

Такім чынам, Беларускае радыё з 1940-х гг., калі з'явілася магчымасць аўдыёфіксацыі перадач на плёнку (сёння іх замянілі лічбавыя тэхналогіі), назапасіла ўнікальны фонд культурнай спадчыны, складзены з запісаў дакументальнага і мастацкага жанраў. Мастацкія творы зафіксавалі духоўнае развіццё краіны, дакументальныя шырока ілюструюць інтэлектуальнае багацце нацыі праз прызму палітычнага і сацыяльна-эканамічнага стану ў рэспубліцы. У фондах маюцца запісы, якія ўяўляюць з сябе вялікую каштоўнасць для даследчыкаў гуманітарнай сферы. Вывучэнне архіўных матэрыялаў Беларускага радыё адкрые новыя старонкі жыццядзейнасці прадстаўнікоў розных творчых прафесій прыкладна стогадовага перыяду.

Спіс літаратуры

1. **Васюкевич, А.** *История радио – история страны / А. Васюкевич // Беларускае радыё: гісторыя, сучаснасць, перспектывы развіцця : матэрыялы Рэсп. навук.-практ. канф., прысвеч. 80-годдзю Беларус. радыё / рэдкал.: С. В. Дубовік (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2005. – С. 15–18.*
2. **Выступление** художественного руководителя Государственной хоровой капеллы БССР Ширмы Г. // *Летопись нашей республики – год 1952 [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. и прогр. (196 Мб). – Дзержинск, БГАКФД, 2017. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM) : зв.*
3. **Гаворыць і паказвае Беларусь / рэд. Т. Ф. Есіпенка.** – Мінск : Беларусь, 1975. – 240 с.
4. **Радкевіч, Я. Р.** *Беларускае радыё : гісторыя, перспектывы развіцця / Я. Р. Радкевіч.* – Мінск : Выд-ва БДУ, 1983. – 197 с.
5. **Дзядзька Змітрок.** – 40 695 бел-моно-радио. *Выступл. А. Вольскага да 100-годдзя 3. Бядулі.* – *Фанатэка Беларускага радыё (Мінск).* – 1986 г.
6. **На пачатку шляху.** Я. Брыль. – 39 788 бел-моно-радио. – *Фанатэка Беларускага радыё (Мінск).* – 1982 г.
7. **Сустрэчы ў радыёстудыі.** *Лаўрэат дзяржаўнай прэміі СССР А. А. Дудараў (Л. Бацюшкава).* – 10 061 бел-моно-АСК. – *Фанатэка Беларускага радыё (Мінск).* – 1986 г.

Михаил Шумейко
2019 г.

ОРГАНИЗАЦИЯ И НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ВЫЯВЛЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ БЕЛОРУССКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ И О БЕЛАРУСИ В ЗАРУБЕЖНЫХ АРХИВАХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

Первое послевоенное десятилетие можно с полной уверенностью назвать десятилетием восстановления архивных потерь, понесенных Государственным архивным фондом республики. В это время происходили процессы не только возвращения в Беларусь насильственно вывезенных нацистами архивных фондов, но и реэвакуация из России немногочисленных белорусских архивных собраний, перемещенных сюда в первые месяцы войны, а также велись переговоры с Литвой о передаче архивных материалов белорусского происхождения, оказавшихся там еще до войны.

Важным событием, имевшим далеко идущие последствия для архивной реституции и совместного использования общего архивного наследия, стала

передача в 1945 г. Правительством Чехословацкой Республики в СССР Русского заграничного исторического архива в Праге (РЗИА)¹. Существующая историографическая традиция, посвященная данному событию², избавляет нас от необходимости подробно останавливаться на истории перемещения РЗИА в Москву и последующей его судьбе.

Отметим лишь, что 20 февраля 1959 г. в ГАУ МВД СССР состоялось совещание по вопросу о порядке дальнейшего хранения документов бывшего РЗИА. Было признано целесообразным оставить в ЦГАОР СССР только те документы, которые отражали антисоветскую деятельность белоэмигрантских организаций. Что касается остальных материалов, они с учетом их происхождения подлежали передаче в другие архивы, в том числе и республиканские. Вследствие этого решения документы РЗИА были рассредоточены по 26 архивам СССР, включая архивы Беларуси, Украины, Грузии, Молдавии, Эстонии и, разумеется, России. ЦГАОР БССР были переданы фонды Народного секретариата БНР (21 дело), Генерального консульства БНР в Константинополе (465 дел), Консульства БНР в Риге (86 дел); Госархиву Витебской обл. – личный фонд бундовца Г. Я. Аронсона (1 дело), Филиалу Госархива Витебской обл. в Полоцке – фонд Домниковского волревкома (3 дела)³.

При этом остается не совсем ясным принцип, которым руководствовались московские архивисты, передавая Беларуси материалы бывшего РЗИА. Дело в том, что наряду с вышеуказанными фондами сюда не были переданы также явно белорусского происхождения фонды миссии БНР в Берлине (6 дел), Белорусского общественного комитета в Германии помощи голодающим в Белоруссии (12 дел), Белорусского бюро печати в Берлине (1735 дел), личный фонд белорусского коллаборациониста И. А. Ёрмаченко (46 дел), коллекции материалов, относящихся к БНР (15 дел).

Забегая вперед, отмечу, что после перевода в 1988 г. с секретного на открытое хранение документов бывшего РЗИА, оставшихся в ЦГАОР СССР, преемник последнего – ГАРФ – выступил инициатором и координатором подготовки архивного справочника, воссоздающего состав и содержание РЗИА и Донского казачьего архива. Необходимость создания такого справочника была обусловлена возросшим интересом исследователей к событиям гражданской войны в СССР, истории эмиграции из России, Беларуси, Украины и других стран, ранее входивших в состав Российской империи. Разобщенность фондов, ранее составлявших единый архив и отсутствие сводной информации создавали трудности в доступе к ним. В результате совместных действий архивистов России, Беларуси, Грузии, Украины был подготовлен

¹ Постановление Президиума Правительства Чехословацкой Республики о передаче РЗИА в дар АН СССР было принято 2 июня 1945 г.; акт о передаче архива подписан 6 декабря 1945 г. (см.: История Государственного архива Российской Федерации: Документы, статьи, воспоминания. М.: РОССПЭН, 2010. С. 156).

² Павлова Т. Ф. Русский заграничный исторический архив в Праге // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 19–30; Ее же. А. Ф. Изюмов и РЗИА // Отечественные архивы. 1996. № 4. С. 28–37; Записка А. Ф. Изюмова «О Русском историческом архиве в Праге» 23 июля 1945 г. // История Государственного архива Российской Федерации: Документы, статьи, воспоминания. М.: РОССПЭН, 2010. С. 143–158; Русский заграничный исторический архив в Москве: вспоминают очевидцы // Отечественные архивы. 1996. № 4. С. 37–43; Пашуто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.

³ Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге: Межархивный путеводитель. М.: РОССПЭН, 1999. – 671 с.

и издан такой справочник типа путеводителя, виртуально восстанавливавший ранее существовавший РЗИА и Донской казачий архив¹. В числе его составителей от Беларуси – заведующий отделом информационно-поисковых систем Национального архива Республики Беларусь (НАРБ) Ю. И. Анейчик. Это издание, на наш взгляд, следует расценивать как пример сотрудничества в сфере совместного информационного освоения общего архивного наследия.

Возвращаясь к событиям первого послевоенного десятилетия, отметим, что в их ряду особое место занимали контакты белорусских архивистов с литовскими коллегами. Это обусловлено тем обстоятельством, что, с одной стороны, на территорию Литвы нацистами вывозились некоторые архивные собрания белорусского происхождения (например, Витебский областной государственный архив), а с другой – здесь сохранялись и документы, передававшиеся еще в 1920–30-е гг. в связи с реализацией Рижского мирного договора и, наконец, в вильнюсских архивах присутствовали материалы, вывезенные из белорусских губерний еще во второй половине XIX в. (например, архив-коллекция Муравьевского музея).

В условиях существования общего архивного фонда СССР и руководства им со стороны ГАУ МВД СССР (с 1960 г. – ГАУ при Совете министров СССР) вопросы распределения архивных фондов между союзными республиками с учетом принципа их происхождения решались общесоюзным архивным ведомством, представленным высококвалифицированными специалистами-архивистами, а также приглашавшимися при необходимости опытными практиками-экспертами. Это положение, кстати говоря, подтверждают не отличавшиеся особой любовью к Москве литовские историки-архивисты, которые пишут: «Советское время, когда перемещение архивных фондов проводилось в сфере государственного архивного фонда СССР, было наиболее благоприятным для возвращения литовских архивов»².

Замечу также, что и сами государственные архивы Беларуси всех уровней вели активную работу по выявлению и учету находившихся вне архивов материалов их профиля, при этом не только используя собственных сотрудников, но и привлекая исследователей (историков, юристов, экономистов, литературоведов и др.), работающих в зарубежных архивах. Показательна в этом отношении деятельность известных белорусских историков-медиевистов, докторов исторических наук З. Ю. Копысского (1916–1996) и А. М. Карпачева (1914–1988). Первый, не являясь штатным сотрудником государственных архивов, тем не менее был очень тесно связан с ними, особенно с ЦГИА БССР. Он исследовал историю и структуру одного из крупнейших родовых архивов – князей Радзивиллов, был ответственным редактором путеводителя по ЦГИА БССР, членом Научного совета Главархива Беларуси, составителем ряда готовившихся ЦГИА БССР сборников документов и т. п. Второй в предвоенные годы работал зам. директора ЦГА Литовской ССР, а в феврале 1946 г. был назначен директором ЦГАОР БССР, внося значительный вклад в восстановление его фондов, обработку и упорядочение материалов, их публикацию и т. п.³

¹ Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге: Межархивный путеводитель. М.: РОССПЭН, 1999. – 671 с..

² Егелявичюс С. О том, каким образом микрофильмы Литовской Метрики оказались в Москве // Новости Литовской Метрики. Вып. 3. Вильнюс, 1999. С. 32.

³ Подробнее о них см.: Архівісты Беларусі Біябібліяграфічны даведнік. Мінск, 2006. С. 121–122; 125–127.

Так, в составленной 10 июня 1946 г. А. М. Карпачевым докладной записке на имя руководства АУ МВД БССР сообщалось об обнаружении им при разборке реэвакуированных из г. Мысловицы (Польша) документальных материалов рукописей стихов Янки Купалы. «Учитывая гибель личного архива поэта в период Отечественной войны, – писал автор записки, – найденные рукописи представляют особенную ценность для изучения творчества Янки Купалы и для намеченного академического издания его произведений»¹. Изданная к 80-летию юбилею НАРБ книга запечатлела А. М. Карпачева вместе с коллегами-архивистами на фоне груды связок дел, представлявших собой уцелевшую часть реэвакуированного из Риги ЦГАОР БССР (снимок датирован 1946 г.)².

Очень много в плане выявления зарубежной архивной Беларуси сделал и З. Ю. Копыцкий, участвуя в подготовке аналитических исследований по истории Беларуси XVII–XVIII вв., документальных изданий (в частности, «Инвентари магнатских владений»). В фонде Главархива Беларуси хранится ряд документов, подтверждающих это. Среди них – перечень на пяти листах документальных материалов по истории Беларуси, выявленных З. Ю. Копыцким в фонде «Радзивилловский архив», находящемся в Главном архиве древних актов Польши (он насчитывает 47 дел 25-го раздела (инвентари поместий) бывшего Несвижского архива князей Радзивиллов; несколько десятков документов из 15-го и 23-го разделов этого же архива за XVII–XVIII вв., включая привилеи Несвижу на магдебургское право)³.

На основе перечня выявленных З. Ю. Копыцким документов АУ при СМ БССР была сделана заявка в ГАУ СССР на микрофильмирование этих документов (8 декабря 1960 г.). Одновременно Архивное управление Беларуси, апеллируя к тому, что «Варшавский архив Радзивиллов является той частью Радзивилловского архива, которая была вывезена из Несвижа в период временного вхождения его в состав панской Польши», просила общесоюзное архивное руководство разрешить вопрос «о передаче соответствующих радзивилловских материалов из ПНР в государственные архивы Белорусской ССР»⁴. Правда, эта просьба белорусских архивистов не была удовлетворена; более того, как увидим ниже, именно в это время пошел обратный процесс – передачи в Польшу архивов, в том числе и из Беларуси⁵.

Между тем работа по возвращению, уточнению фондовой принадлежности (следствием чего порой становилась передача документов и за пределы Беларуси) отдельных комплексов архивных материалов продолжалась. В до-

¹ НАРБ. Ф. 249. Оп. 5. Д. 82. Л. 1.

² Наша история: Национальный архив Республики Беларусь 1927–2007 гг. Минск, 2007. С. 157; Это же фото вынесено и на обложку популярной книги Л. Рублевской и В. Скалабана «Время и бремя архивов и имен» (Минск, 2009).

³ НАРБ. Ф. 249. Оп. 5. Д. 793. Л. 87–91.

⁴ НАРБ. Ф. 249. Оп. 5. Д. 793. Л. 83–84.

⁵ Что же касается истории с варшавской частью радзивилловского архива, то она получила свое продолжение лишь через полвека. 28 ноября 2007 г. в Национальном историческом архиве Беларуси (г. Минск) состоялся обмен копиями документов между Главным архивом древних актов (г. Варшава) и Национальным историческим архивом Беларуси (г. Минск). Польские архивисты передали своим белорусским коллегам 160 тыс. кадров микрофотокопий документов из фонда Радзивиллов, получив взамен такое же количество микрофотокопий документов по истории Подляшья, сохраняющихся в фонде Бранского гродского суда (см.: Селицкая Л. 160 тысяч кадров о Радзивиллах // Советская Беларусь. 2007. 29 нояб.).

кладе о деятельности архивных органов Беларуси за 1947 г. отмечалось, что в течение года в государственные архивы республики поступило 476 фондов общим объемом около 100 тыс. дел и более 2 тонн документов в россыпи. В числе архивных учреждений, передавших документы в Беларусь, фигурировали: ЦГВИА – 16 фондов (123 д.); ЦГАКА – 28 фондов (132 д.), Центральный государственный особый архив – 7 фондов (1015 д.); ЦГА Литовской ССР – 10 фондов (8950 д. «периода польской администрации 1919–1939 гг.»). Одновременно из Беларуси выбыло 245 фондов общим объемом свыше 45 тыс. дел¹.

Предварительные итоги деятельности архивных органов и учреждений республики в части ликвидации последствий войны находим в докладе руководителя архивной службы Беларуси А. И. Азарова «30 лет архивного законодательства в БССР», с которым он выступил на республиканской конференции архивистов, состоявшейся в Минске 8–10 июня 1948 г. и посвященной 30-летию архивного строительства в БССР. Одновременно в нем содержался и своего рода ретроспективный анализ состояния белорусских архивов в предыдущий период.

Важным источником по проблемам архивной реституции в первое послевоенное десятилетие является протокол совещания при начальнике АУ МВД БССР от 7 августа 1948 г. Он дает представление о существовавших в руководстве архивной отрасли республики двух прямо противоположных мнений, касающихся предполагаемого места хранения древних актов. Как увидим далее, возобладало то, которое опиралось на основополагающий принцип архивоведения – принцип происхождения и как следствие этого – наличие в современном НИАБ архивных собраний, возникших в процессе деятельности органов и учреждений Великого Княжества Литовского (ВКЛ), а также личных фондов, созданных за этот же период. Альтернативное же мнение предполагало передачу подобного рода документов в ЦГАДА (Москва).

Выступивший на совещании начальник АУ МВД БССР А. И. Азаров проинформировал его участников о санкционировании общесоюзным архивным ведомством создания ЦГИА БССР в Минске «с концентрацией в нем всех дореволюционных материалов учреждений, предприятий и организаций бывших Минской, Витебской, Могилевской и Белорусской губерний, а также материалов, образовавшихся в результате деятельности отдельных лиц и учреждений Речи Посполитой, относящихся к территории БССР»².

Далее Азаров отметил, что ГАУ МВД СССР предлагает одновременно передать фонды учреждений бывшего ВКЛ в ЦГАДА, на чем настаивает руководство последнего. Как следовало из его доклада, позиция Москвы в части передачи актовых книг белорусского происхождения в ЦГАДА не была жесткой, ибо, как он далее отметил, «Отдел комплектования ГАУ МВД СССР согласен все эти материалы передать в Филиал ЦГИА БССР, предварительно обсудив этот вопрос на совещании научных сотрудников Архивного управления МВД БССР». Большинство участников совещания высказались против передачи актовых книг в Москву, мотивируя это, с одной стороны, интересами исторической науки («Для Академии наук БССР важно, чтобы докумен-

¹ НАРБ. Ф. 249. Оп. 8. Д. 107с. Л. 33.

² Постановление руководства архивной службой СССР об этом было оформлено годом ранее, 14 августа 1947 г. (см.: ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 4006. Л. 1).

тальные материалы времен Речи Посполитой и панской Польши находились в Белоруссии»), а с другой – невозможностью Центра обеспечить надлежащие условия хранения подобных материалов, передаваемых не только Беларусь, но и другими союзными республиками («Если собирать документальные материалы до XVII в. в Архив древних актов, то туда должны быть переданы документы остальных союзных республик, которым в условиях Москвы не будет обеспечена сохранность из-за отсутствия помещения»).

Однако, несмотря на принятые решения о концентрации всех дореволюционных материалов в ЦГИА БССР и его филиале в г. Гродно, предусматривавшие в числе прочего и передачу в Беларусь находившихся в Литве и России соответствующих материалов, реализация их растянулась на многие годы и даже сегодня нельзя сказать о выполнении этих решений в полном объеме.

Следует также отметить, что архивные документы белорусского происхождения продолжали поступать в республику в течение первого послевоенного десятилетия и из Германии. Это было обусловлено ведущимися Советской военной администрации в Германии (СВАГ) поисками и идентификацией культурных ценностей, вывезенных нацистами с оккупированных территорий Союза ССР. Правда, в ходе этой работы из Германии порой вывозились и архивы, захваченные в годы Второй мировой войны нацистами на оккупированных территориях Франции, Бельгии, Голландии (они, как известно, составили так называемый Особый архив СССР, просуществовавший в качестве закрытого почти полвека), а также и другие архивные собрания, не входившие в состав перемещенных архивов. Подтверждением последнего может служить пример с документальными материалами, обнаруженными СВАГ в Прусском королевском архиве и относившимися к семейству Радзивиллов и Собесских. Они были переданы в распоряжение ГАУ МВД СССР. Об этом заместитель начальника ГАУ МВД СССР С. Кузьмин информировал 8 октября 1948 г. руководителя архивной службы Беларуси А. Азарова, одновременно высказывая мнение о целесообразности передать эти материалы на хранение в филиал ЦГИА БССР в г. Гродно. К письму С. Кузьмина прилагались описи этих материалов на семи листах¹.

Содержание ответного письма от 29 октября 1948 г. из Минска проясняет судьбу находившейся перед войной в АН БССР части Радзивилловского архива, вывезенной немцами в Германию («В 1946 г. часть документов (свыше двух вагонов) возвращена из Вильнюса в Минск и передана на хранение в Госархив Минской обл., так как фамильный фонд Радзивиллов в основном образовался на территории бывшей Минской губ.») и сообщает мнение белорусского архивного руководства относительно найденных в Прусском королевском архиве документов («Считаем целесообразным фонд Радзивиллов оставить в Минске, присоединив к нему то, что в Пруссии найдено, а фонд Собесских передать в Гродно»)².

17 ноября этого же года описи материалов Радзивиллов и Собесских были возвращены по требованию начальника отдела комплектования ГАУ МВД СССР капитана Голубцова в Москву. Однако, вероятно, перед этим с них были сняты рукописные копии, ныне хранящиеся в деле фонда 694 (Радзи-

¹ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 8. Д. 200с. Л. 111.

² ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 8. Д. 200с. Л. 112.

виллы, князя), т. 1¹. В 1949 г. в Госархив Минской обл., где в то время хранился фонд Радзивиллов, поступили материалы Радзивиллов и Собесских в необработанном виде, поэтому количество их было определено примерно. (По описи значилось около 100 папок документов Радзивилла и свыше 200 папок Собесского.) В 1962 г. после проведения научно-технической обработки было сформировано 418 дел из ранее находившихся в папках документов Радзивиллов и Собесских. Радзивилловские материалы составили опись № 12 фонда 694 (Радзивиллы, князя). Что же касается документов Собесских, то учитывая их происхождение (они не имели отношения к Беларуси), было решено создать из них соседний с радзивилловским фонд (№ 695), в составе которого и хранить эти материалы, не показывая их по учетным документам и не выдавая исследователям. В 1971 г. этот фонд был ликвидирован как самостоятельный, а его материалы включены в радзивилловский фонд в составе описи № 12.

Возвращаясь к истории белорусско-литовских архивных отношений в первое послевоенное десятилетие, отметим, что они были весьма непростыми. И это при том, что последнее слово в принятии окончательных решений в части распределения архивов между двумя союзными республиками оставалось за общесоюзным архивным руководством, пытавшимся следовать научным принципам, когда речь шла о такой деликатной сфере, как уточнение фондовой принадлежности в рамках общесоюзного государственного архивного фонда и т. п.

Обратимся к плану работы филиала ЦГИА БССР в г. Гродно на 1949 г. В приложении № 2 к нему, представляющему список фондов, подлежащих передаче из ЦГИА Литовской ССР, значится 158 позиций, включая фонды судебных учреждений бывшего ВКЛ. Кстати, последним в данном списке значится фонд канцелярии Витебского центрального архива древних актовых книг, влитый, как известно, в 1903 г. в фонд канцелярии аналогичного Виленского архива. Однако понадобилось около 10 лет, чтобы ЦГИА БССР смог получить включенные в данный список фонды. В частности, фонд канцелярии Витебского архива был передан в г. Могилёв, где тогда находился ЦГИА БССР, в марте 1956 г.², а фонды судебных учреждений бывшего ВКЛ за XVI–XVIII вв. поступили в ЦГИА БССР в г. Гродно в 1960 г.³

Как свидетельствуют делопроизводственные документы филиала ЦГИА БССР в г. Гродно, литовские архивисты пытались всеми возможными способами оставить у себя актовые книги белорусского происхождения XVI–XVIII вв. Так, в отчете о работе филиала за 1949 г. (в разделе «Комплектование») отмечалось, что несмотря на переданные из Литвы свыше 14 тыс. дел белорусского происхождения, план филиала по комплектованию не был выполнен в виду того, что «ЦГА Литовской ССР, не выполняя предписание ГАУ МВД СССР, умыш-

¹ 6 мая 1950 г. эта копия, сделанная сотрудником отдела комплектования Ефимовой, была выслана А. И. Азаровым в адрес МВД БССР (Дело фонда 694. Т. 1. Л. 63).

² Государственный исторический архив Литвы. Ф. 594 (Виленский центральный архив древних актовых книг). Оп. 1 (запись в описи о выбытии в марте 1956 г. по отборочному списку 248 дел, представляющих делопроизводство бывшего Витебского центрального архива древних актовых книг).

³ См.: Центральный государственный исторический архив Белорусской ССР в гор. Гродно: Путеводитель. Минск, 1965. С. 4 (Предисловие).

ленно задерживает передачу документов Речи Посполитой XVI–XVIII вв., считая, что с передачей нам документации, относящейся к территории БССР, нарушится архивная коллекция, которая сложилась от деятельности Виленского архива древних актов»¹.

Докладная записка начальника филиала ЦГИА БССР в г. Гродно В. С. Давыдовой, работавшей в течение двух недель апреля 1949 г. в литовских архивах с целью выяснить наличие там фондов белорусского происхождения, дает представление о позиции литовских архивистов по отношению к белорусским коллегам. Она любопытна не только в информационном (автор сообщает о наличии в литовских архивах документальных комплексов белорусского происхождения, подлежащих реституции), но и, если можно так выразиться, в психологическом плане.

Автор записки сообщает, что, работая в ЦГА Литовской ССР, ей удалось установить «при очень осторожном отношении ко мне со стороны сотрудников архива», что в филиале Центрального архива в Каунасе хранятся фонды Гродненского и Сувалкского губернских жандармских управлений за 1905–1907 гг., Сувалкского ГЖУ. Будучи профессиональным историком-архивистом (В. С. Давыдова еще до войны закончила Московский историко-архивный институт), она не могла не обратить внимания на хранившуюся в ЦГИА Литвы искусственно созданную еще в начале XX в. архивную коллекцию в открытом в 1901 г. в Вильне Муравьевском музее, которую составили фрагменты разных фондов, тематически связанных с восстанием 1863 г. и главным руководителем в деле его подавления – «начальником Северо-Западного края М. Н. Муравьевым». Поскольку значительная часть этой коллекции под названием «Архив Музея графа М. Н. Муравьева» была связана происхождением с белорусскими губерниями, а также учитывая, что литовские историки не проявляют к ней никакого интереса, В. Давыдова считала возможным без ущерба для Литвы передать этот комплекс в Беларусь. (Это в определенной части и было сделано в 1960 г., о чем скажем ниже.)

Как явствует из записки, камнем преткновения в отношениях с литовскими архивистами стали древние акты. По этому поводу В. Давыдова сообщала: «В отношении древних актов зам. начальника [АО МВД Литовской ССР. – М. III.] Бондаренко, ст. научн. сотр. Тунгусов и Орда считают, что передача части древних актов в Белоруссию нарушит коллекцию древних актов Виленского архива древних актов [??? – М. III.]; что этот вопрос они будут еще обсуждать совместно с АН Литвы, что целесообразнее вообще все древние акты сосредоточить в Литве, ибо у них в наличии весь учетно-справочный аппарат, перечни подложных актов и т. д. Если же все же им придется передать эти фонды в Белоруссию, то учетно-справочный аппарат передан не будет»².

Резюмируя содержание записки, руководитель Гродненского исторического архива просила ходатайствовать перед ГАУ МВД СССР о передаче в возглавляемое ею учреждение свыше 3 тыс. дел канцелярии гродненского губернатора, входящих в искусственно созданную коллекцию муравьевского музея, возвратив таким образом эту вырванную в свое время часть фонда

¹ НАРБ. Ф. 249. Оп. 8. Д. 214с. Л. 103.

² НАРБ. Ф. 249. Оп. 8. Д. 180с. Л. 52–53.

в состав последнего, хранившегося в филиале ЦГИА БССР в г. Гродно. Данную записку следует рассматривать как своего рода инициативный документ, повлекший за собой принятие в 1950-е гг. решения о расформировании искусственно созданной муравьевской коллекции с возвращением дел в соответствующие архивные фонды, находившиеся в Беларуси и Литве.

Решение было принято в июле 1954 г. Научным советом при АО МВД Литовской ССР. Ему предшествовала обстоятельная работа по изучению истории коллекции и ее состава. Ее результаты излагались в обстоятельном «Обзоре фонда-коллекции М. Н. Муравьева», составленном 15 июля 1954 г. начальником отдела исторических фондов ЦГА Литовской ССР П. А. Никитиной¹. В нем автор совершенно справедливо полагал, что часть документов «фонда-коллекции», насчитывавшей 10 558 дел за 1833–1912 гг., относится к профилю госархивов Беларуси. Наличие на делах кроме шифров коллекции других архивных номеров давало возможность их идентификации. «Это позволяет, – подчеркивала П. А. Никитина, – сделать вывод, что они изъяты из основных фондов, хранящихся сейчас в государственных архивах Белоруссии и могут быть к ним подложены. К ним относятся документальные материалы фондов канцелярий гродненского губернатора, Могилевского губернатора, канцелярии витебского губернатора, Могилевского губернского правления и др.»

21 января 1955 г. общесоюзный архивный главк дал указание о передаче входивших в коллекцию частей фондов, относившихся к профилю Беларуси (таковых насчитывалось 51 объемом 4 614 дел из 110 (10,5 тыс. дел), в белорусские архивы². Однако, как уже отмечалось, реализация этого решения состоялась лишь в 1960 г., после неоднократных обращений научной и архивной общественности Беларуси в адрес правительства Литовской ССР.

14 марта 1959 г. в Вильнюсе состоялось совещание о взаимной передаче документальных материалов государственных архивов Литовской и Белорусской союзных республик. Литовскую сторону на нем представляли начальник АО МВД Литвы Е. А. Розаускас, директор ЦГИА Литовской ССР Д. П. Бутенас и др. От Беларуси на совещании присутствовали заместитель начальника АУ МВД Белорусской ССР В. И. Гурский, начальник отдела комплектования АУ Т. А. Трухина. Общесоюзное архивное ведомство представляли ответственные работники Л. Л. Смоктунович и В. В. Цаплин.

Как свидетельствует протокол совещания, на нем были рассмотрены претензии АУ Белорусской ССР на часть документальных материалов коллекции Муравьева, а также взаимные претензии на документальные материалы Радзивилловского архива, хранившиеся в обеих республиках, и др.

Заслуживают интереса подходы литовских и белорусских архивистов к решению вопроса о судьбе этих двух архивных собраний. Сразу же отме-

¹ НАРБ. Ф. 249. Оп. 5. Д. 681. Л. 110–123. Оставляем в стороне явное противоречие в определении в обзоре комплекса документов: «фонд-коллекция». Разумеется, речь могла идти только об архивной коллекции, но не о фонде.

² По «Списку фондов, относящихся к профилю государственных архивов БССР, имеющихся в ЦГИА Литовской ССР», составленному в марте 1958 г. начальником отдела комплектования АУ МВД БССР Т. А. Трухиной по картотеке ГАУ МВД СССР; муравьевская коллекция насчитывала 13 743 дел, из которых к профилю белорусских архивов было отнесено 48 фондов объемом 2194 дел (НАРБ. Ф. 249. Оп. 5. Д. 680. Л. 42–43).

тим, что выработанные комиссией проекты заключений по муравьевской коллекции и радзивилловскому архиву не удовлетворили стороны. Д. П. Бутенас воздержался от подписания заключения в той его части, которая гласила: «1. Расфондировать коллекцию “Архив Музея графа М. Н. Муравьева”. 2. Фонды и части фондов всех учреждений, действовавших на территории, вошедшей в состав Белорусской ССР, передать в соответствующие госархивы БССР. 3. Фонды и части фондов всех гражданских и временных военных учреждений (Временного полевого аудиториата, военных начальников и др.), действовавших на территории, вошедшей в состав Литовской ССР, оставить на дальнейшее хранение в ЦГИА Литовской ССР. 4. Материалы штаба Виленского военного округа подлежат передаче в ЦГВИА СССР в гор. Москве, однако, учитывая то обстоятельство, что они крайне необходимы для изучения истории литовского народа, оставить их временно в ЦГИА Литовской ССР. Сроки хранения указанных материалов в ЦГИА Литовской ССР архивному отделу МВД Литовской ССР согласовать с ГАУ МВД СССР»¹.

Возражения и поправки со стороны В. И. Гурского и Т. А. Трухиной вызвала формулировка проекта заключения по радзивилловскому архиву, на которой настаивали литовские архивисты: «Учитывая, что комплекс документальных материалов, известный под названием “Фонд Радзивиллов” представляет из себя коллекцию, аналогичную коллекции “Архив Музея графа М. Н. Муравьева”, изучить вопросы, связанные с целесообразностью расфондирования этого комплекса...» Они считали неправильным без надлежащего изучения материалов утверждать, что фамильный фонд Радзивиллов является коллекцией, аналогичной муравьевской, а потому подлежащей расфондированию.

И тем не менее на совещании было принято решение передать из госархивов Литвы в Беларусь документы белорусского происхождения: из ЦГИА Литвы – 622 дела, из ЦГА Литовской ССР – 937 дел, в том числе 274 дела Белорусского музея имени И. Луцкевича, из Госархива г. Каунаса – 39 дел. Одновременно из Беларуси в Литву должны были быть переданы: из ЦГАОР БССР – 13 дел, из ЦГИА БССР – фонды правления Виленского учебного округа (52 д.), Виленского округа путей сообщения (2826 д.), из филиала ЦГИА БССР в г. Гродно – 197 д., из Госархива Молодечненской обл. – фонды виленских окружного земельного управления за 1920–1933 гг. (7969 д.), воеводского управления за 1920–39 гг. (6316 д.), из Госархива Минской обл. – фонды Виленского цензурного комитета за 1806–1865 гг. (252 д.) и другие цензурные фонды (всего 731 д.).

Одновременно участники совещания определили фонды, требовавшие изучения на предмет их возможной передачи в Беларусь из Литвы и наоборот. В первую категорию вошли хранившиеся в ЦГИА Литвы инвентари, люстрации и другие акты по Гродненской губ. за 1623–1799 гг. (208 д.), фонд попечителя Белорусского учебного округа за 1829–1832 гг. (1404 д.), а также пребывавшие в ЦГА Литовской ССР фонды Совета министров БНР (71 д.), Белорусской гимназии в Вильне (132 д.), Белорусского национального комитета в Вильне за 1919–38 гг. (55 д.), Центральной белорусской рады Виленской

¹ НАРБ. Ф. 249. Оп. 8. Д. 738. Л. 17.

и Гродненской обл. за 1917–27 гг. (13 д.), Белорусского студенческого союза при университете Ст. Батория за 1920–1939 гг. (58 д.) и др.

Вторую категорию составили находившиеся в ЦГИА БССР фонды «русских каденций» Скарбового трибунала за 1661–1682 гг. (6 д.), Главного литовского трибунала (12 д.) и др. Как увидим ниже, часть их была перемещена в 1960 г., другие же по-прежнему остаются там, где они находились в 1950-е гг. и, вполне понятно, с учетом изменившейся политической ситуации в мире уже никогда не будут возвращены в места их происхождения (в одних случаях) или переданы в качестве жеста доброй воли в связи с отношением их к Беларуси (в других случаях).

Что касается спорных вопросов, связанных с определением фондовой принадлежности в отношении радзивилловского архива, то дискуссии по ним были продолжены в следующем году после изучения фонда литовскими архивистами. С 6 по 23 июня 1960 г. научные сотрудники ЦГИА Литовской ССР Г. К. Орда и Р. И. Фиркович знакомы с составом и структурой хранившегося в Госархиве Минской обл. фонда 694 (Радзивиллы, князя) и по итогам своей работы составили протокол, главный вывод которого состоял в следующем: «Группу материалов под наименованием “Радзивиллы, князя” нельзя считать единым фондом, ибо: а) они охватывают в большей части документацию четырех отдельных ординаций: Несвижской, Клецкой, Давидгрудецкой и Слуцкой, которые с 1586 г. никогда не были объединены в одно владение и по преимуществу принадлежали разным линиям рода Радзивиллов. Ординации являются по существу разными фондами, как учреждения определенного характера, созданные на основе договоров между Радзивиллами... б) Группы материалов родов Кишков, Завишей, Огинских, Флемингов, Собеских, Вишневецких, Сапегов, Зиберг-Плятеров и Витгенштейнов по своему характеру и происхождению отличаются от материалов ординаций. Следовательно... указанные группы семейных материалов наравне с ординациями можно определить как отдельные фонды...»¹

Связывая структуру Несвижского архива с вопросом о его материалах, относившихся к профилю Литовской ССР, литовские архивисты считали, что к последним следует отнести фонд князей Витгенштейнов (около 3 тыс. дел), материалы по Биржанскому княжеству (около 425 дел), 5 дел «фонда Огинских» и некоторые другие.

Вполне понятно, что такое заключение литовских архивистов не могло не вызвать негативной реакции у их белорусских коллег. 25 июля 1960 г. в адрес ГАУ при СМ СССР были высланы копии протокола Г. К. Орды и Р. И. Фиркович, а также девятистраничное «Заключение о фондовой и профильной принадлежности документальных материалов быв. Несвижского архива князей Радзивиллов» (подписано Т. А. Трухиной, начальником отдела дореволюционных фондов Госархива Минской обл. Т. Е. Леонтьевой и согласовано с А. И. Азаровым, зав. АО при Минском облисполкоме Ф. М. Кругловым и начальником Госархива Минской обл. И. В. Рошиным). Авторы последнего, опираясь на соответствующие нормативно-методические документы по научно-технической обработке фондов личного происхождения, были категорически не согласны с выводами литовских архивистов, предлагавшими по существу раздробить естественно сложившийся родовой фонд. Главный

¹ НАРБ. Ф. 249. Оп. 8. Д. 793. Л. 24.

вывод документа: «Претензии архивистов Литвы на документальные материалы из состава фонда Радзивиллов, якобы принадлежащих к профилю госархивов Литовской ССР, являются неосновательными»¹. Как исключение авторы заключения допускали передачу в Литву нескольких биржанских дел, указанных литовскими архивистами.

В заключение белорусские архивисты информировали общесоюзное архивное руководство о том, что ими обращено внимание литовских коллег на необходимость, **«учитывая наличие части материалов фамильного архива Радзивиллов в Главном архиве древних актов в Варшаве, поставить вопрос о передаче этих материалов в госархивы Советского Союза или микрофильмировании их»** (выделено мной. – М. Ш.). «При этом следует иметь в виду, – продолжали они, – что Варшавский архив Радзивиллов образовался в 20–30-х гг. XX в. в связи с перемещением в Варшаву Радзивиллами значительной по объему и наиболее ценной по содержанию части своего архива из Несвижа».

Как уже отмечалось выше, эти пожелания-предложения почти пятидесятилетней давности, исходившие от белорусских архивистов, удалось реализовать хотя бы и в форме возвращения микрофотокопий только в 2009 г.

Реализация принятого в марте 1959 г. решения межведомственной комиссии о взаимной передаче архивных фондов из Литвы в Беларусь и наоборот откладывалась по причине, о которой шла речь выше. Для стимулирования обменных процессов белорусской стороной был использован весьма удобный повод, а именно: подготовка советско-польской документальной публикации по истории восстания 1863–1864 гг., которая велась в рамках подписанного в марте 1957 г. между академиями наук СССР и Польши соглашения о научном сотрудничестве. Ссылаясь на него и выдвигая в качестве одной из главных причин, тормозящих подготовку данного международного археографического издания, руководство АН БССР и АУ при СМ БССР в своем письме в Совет министров Литовской ССР от 16 июня 1960 г. просило «ускорить разрешение вопроса о передаче указанных материалов архивам БССР».

«Одновременно, – отмечалось в письме, – Академия наук и Архивное управление Белорусской ССР просят также рассмотреть вопрос о передаче белорусским архивам ряда других фондов, содержащих материалы, относящиеся к истории и культуре белорусского народа, как, например, Центрального комитета Белорусской рабоче-крестьянской громады, Белорусского музея, Главного управления товарищества белорусских школ, Центрального правления общества Белорусского института хозяйства и культуры, попечителя Белорусского учебного округа и др.»².

Подобное же ходатайство в адрес Правительства Литвы было направлено и Советом министров Белорусской ССР. И, наконец, 5 сентября 1960 г. Совет министров Литовской ССР своим распоряжением дает поручение МВД совместно с Академией наук «передать Совету министров Белорусской ССР архивный материал, касающийся Белоруссии»³.

¹ НАРБ. Ф. 249. Оп. 8. Л. 32.

² НАРБ. Ф. 249. Оп. 8. Л. 20–21.

³ См.: Шумейко М. Ф. Собрать рассеянное: О реституции белорусских архивов в прошлом и настоящем. Минск, 1997. С. 140.

14 сентября 1960 г. Архивное управление Литовской ССР подписывает акт «О передаче документальных материалов», в соответствии с которым из ЦГА Литовской ССР в ЦГАЛИ БССР передаются 266 дел Отдела рукописей Белорусского музея имени И. Луцкевича в Вильно. Они составили основу ныне хорошо известного белорусским историкам, литературоведам фонда № 3, в котором сегодня находится 495 дел, систематизированных по трем описям (свыше 11 тыс. док.)¹. Из Литвы в Беларусь были переданы в это же время и другие архивные материалы.

О результатах реализации этого решения А. И. Азаров 6 декабря 1960 г. информировал руководство республики. Отмечая получение белорусской стороной около 7 тыс. дел XVIII–XX вв. и передачу ею Литве архивных дел, связанных происхождением с ее территорией, руководитель архивной службы республики в то же время обращал внимание руководства Беларуси на незавершенность процесса архивной реституции. Среди не переданных Литвой материалов он называл фонды Совета министров БНР, Белорусского музея, попечителя Белорусского учебного округа, коллекции инвентарей феодальных владений по Гродненской губернии, личные фонды князей Радзивиллов, Друцких-Любецких и др. Он также указывал на необоснованные претензии литовских архивистов на личный фонд Радзивиллов, части фондов правлений Виленского учебного округа, Виленского округа путей сообщения и другие архивные собрания, хранившиеся в Беларуси. Одновременно А. И. Азаров информировал председателя КГБ БССР В. И. Петрова о том, что среди переданных из Литвы материалов находятся архивные фонды «белорусских белоэмигрантов и буржуазных националистических организаций», которые «могут использоваться по запросам оперативных органов»².

Глубоко символичной стала передача из ЦГАЛИ СССР в только что созданный в Беларуси аналогичный архив части так называемой Юдинской коллекции, основу которой составляли копии документов белорусского происхождения, снятые в 1820-е гг. первым белорусским археографом, гомельским протоиереем И. И. Григоровичем. Созданные в Беларуси в XVII–XVIII вв., они возвратились сюда, проделав довольно сложный маршрут: Гомель – Санкт-Петербург – Красноярск – Москва – Минск³. В числе первых поступлений в ЦГАЛИ БССР были и переданные из Ярославля архив М. Богдановича и его семьи, из Москвы – Я. Брайцева, К. Буйло, А. Ельского, К. Каганца, Е. Мозолькова и др. Забегая вперед, отметим, что в дальнейшем архив пополнился поступившими из России, Чехословакии, Болгарии, Латвии, Польши, Украины, США, Англии, Австралии и других стран архивными фондами личного происхождения и коллекциями соответствующей тематики. Укажем

¹ Запартыка Г. В. Дакументальны фонд Беларускага музея імя Івана Луцкевіча ў Вільні як архіўны помнік XX стагоддзя // Программы ЮНЕСКО «Память мира»: деятельность библиотек, архивов, музеев по сохранению документального наследия : материалы Междунар. конф., Нац. б-ка Беларуси, 30 ноября – 1 декабря 2006 г. Минск, 2007 г. С. 74–82.

² НАРБ. Ф. 249. Оп. 8. Д. 417с. Л. 78–79.

³ Подробнее об этом см.: Трухина Т. А. Рукопись второй части «Белорусского архива древних грамот» // Научно-информационный бюллетень Архивного управления при Совете министров БССР. 1961. № 10. С. 34–37; Иванова О. С. «Находка» третьей части «Белорусского архива древних грамот» И. И. Григоровича в БГАМЛИ // Беларускі археографічны штогоднік. Вып. 5. Мінск, 2004. С. 29–34 и др.

только некоторые из них: Я. Дылы (Саратов), М. Забейды-Сумицкого (Прага), Л. Клейнборта, Л. Бэндэ (Ленинград), Л. Леущенко (Украина), А. Прушинского (Иркутск), Ю. Туронка (Польша), Н. Касперовича (Новосибирск), И. Ласкова (Якутск) и др. С 2000 г. в БГАМЛИ поступили личные архивы и коллекции А. Алехника (Австралия), А. Бабареки, В. Дубовки, А. Кавки (Москва), М. и Л. Горецких (Санкт-Петербург), Б. Белокозовича (Варшава), С. Яновича (Белосток) и др. Это пополнение архива стало возможным благодаря активной работе сотрудников данного архива и поистине подвижнической деятельности ее директора – А. В. Запартыко, которая зачастую приватным порядком, за счет собственных средств организовывала перевозку из-за рубежа документов и материалов¹.

Итоги полуторадесятилетней деятельности белорусских архивных органов и учреждений по восстановлению своего архивного наследия путем комплектования архивов находившимися за пределами республики документами были подведены на заседании Научного совета Архивного управления Беларуси, состоявшемся 23 декабря 1960 г. Его следует рассматривать в контексте аналогичной работы, которая велась в рамках всего Союза ССР. Известно, что в апреле 1961 г. ГАУ СССР подготовило записку «О состоянии и улучшении организации работы по приобретению документальных материалов выдающихся представителей культуры, науки, литературы и искусства в СССР и за границей». В этом же году решением ЦК КПСС была создана Межведомственная комиссия при ГАУ по выявлению, оценке и приобретению архивных документов.

Возвращаясь к заседанию Научного совета АУ Беларуси, отметим, что центральное место в нем занимал специальный доклад начальника отдела комплектования Архивного управления республики Т. А. Трухиной² «О комплектовании государственных архивов Белорусской ССР документальными материалами, выявленными в архивах других республик»³. Докладчик отмечала, что данная работа проводится по двум направлениям: поиск материалов, составляющих архивные фонды, относившиеся к профилю государственных архивов Беларуси, и выявление документов по истории белорусского народа в составе непрофильных белорусским архивам фондах с целью их учета и микрофотокопирования.

Т. А. Трухина проанализировала методику и эффективность ведущейся архивными учреждениями республики работы по этим направлениям, придя к весьма неутешительным выводам. Оказалось, что себестоимость выявления одного архивного дела в небелорусских архивах составляла один рубль, что было очень дорого. Отсутствие координации подобной работы в рамках всего Союза ССР приводило к тому, что архивисты разных союзных республик вели выявление «своих» материалов по одним и тем же «общесоюзным» фондам, порой параллельно друг с другом.

¹ Об этом см. публикации А. В. Запартыко в журнале «Архивы и делопроизводство».

² Трухина Т. А. (1926–1968) после окончания в 1948 г. Московского историко-архивного института в течение 18 лет возглавляла отдел комплектования Архивного управления Беларуси, внося значительный вклад в восстановление архивного наследия республики. Ее доклады и публикации в республиканских и общесоюзных историко-архивных изданиях по проблемам архивной реституции отличались глубоким анализом, оригинальностью предлагаемых решений, научной новизной.

³ НАРБ. Ф. 249. Оп. 5. Д. 793. Л. 94–105.

Исследователь считала необходимым прежде всего обратить внимание на улучшение качества научно-справочного аппарата к документам архивов, «при полноте которого свелось бы к минимуму рыскание по архивам в поисках нужных материалов». «При этом, – подчеркивала она, – речь должна идти опять о подготовке и издании путеводителей, обзоров фондов, научных описей. Причем к ним как основное требование должно предъявляться наиболее подробное и полное раскрытие в них состава материалов. Составление путеводителя в виде почти простого списка фондов является абсолютно ненужным делом»¹.

Т. А. Трухина совершенно правильно ставила вопрос о создании информационных баз данных на документы белорусского происхождения или о Беларуси, хранящиеся в небелорусских архивах, в виде копий описей дел, интересующих белорусскую сторону. Волновали ее также финансовая и технологическая составляющие выявления и изготовления микрофотокопий документов: по ее данным на изготовление микрофотокопий по уже выявленным 18,5 тыс. дел, хранившимся в небелорусских архивах, требовалось свыше миллиона рублей (по тем временам – сумма колоссальная!). «Кроме того, – отмечала Т. А. Трухина, – общеизвестно, что качество микрофильмов еще не вполне удовлетворительное (ленинградские пленки еле читаются) и не долговечна сохранность пленки...»

В решении Научного совета по итогам обсуждения доклада отмечались определенные успехи, достигнутые архивами Беларуси в деле выявления, взятия на учет и даже частичной передачи в республику материалов белорусского происхождения, хранившихся в архивах Москвы, Ленинграда, Смоленска, Вильнюса, Риги, Львова. Вместе с тем обращалось внимание на нерациональность организации этой работы, отсутствие ее координации, низкий уровень научно-справочного аппарата архивов, что вело к неэффективности выявления документов и т. п.²

Было признано целесообразным продолжить работу по розыску и изучению фондов, относящихся к профилю государственных архивов Белорусской ССР, принятию соответствующих мер для возвращения их в республику, а также изучению, учету и микрофотокопированию документальных материалов, относящихся к Беларуси, в архивах не только Союза ССР, но и иностранных государств.

Первым в ряду этих государств была Польша, в архивах которой, как уже отмечалось выше, проводилось выявление белорусских документов преиму-

¹ Это очень верное наблюдение, с которым трудно не согласиться. Отдавая должное составителям справочника «Дакументы па гісторыі Беларусі, якія зберагаюцца ў цэнтральных дзяржаўных архівах СССР» (Мінск: Беларуская Савецкая Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 1990), в котором к тому же, в отличие от замечания Т. Трухиной, все-таки аннотируется содержание включенных в него 1834 фондов, в названиях которых присутствуют «белорусские признаки» (он подготовлен на основе Центрального фондового каталога Главархива СССР), вместе с тем нельзя не отметить, что информационный потенциал справочника довольно низкий.

² В 1970-е гг. ранее существовавшая хотя бы и незначительная координация работы по выявлению архивных материалов белорусского происхождения в зарубежных архивах вообще была ликвидирована. Каждый архив стал заниматься этой работой сам по себе, как справедливо отмечал директор НАРБ (см.: Селеменев В. Д. Об опыте работы Национального архива Республики Беларусь по выявлению документов по истории Беларуси в зарубежных архивах // Заможная архіўная Беларусіка: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 25–26 крас. 1996 г. Мінск, 1998. С. 235).

щественно во время тогда еще редких случаев работы там белорусских ученых-историков. Информирование о подобного рода документах велось также через ГАУ МВД СССР. Так, в январе 1961 г. В. В. Цаплиным был передан в Архивное управление Беларуси список выявленных ГАУ СССР в Главном архиве древних актов в Варшаве материалов, имевших отношение к Беларуси (Речь шла о Радзивилловском фонде, в частности, его 8, 15, 17, 19, 23, 25-м разделах по «Описанию» Болеслава Таурагинского, составленному еще в 1935 г.)¹. Несколько позже, через литовских коллег ЦГИА БССР в г. Минске получил микрофотокопии документов одного из этих разделов, а именно 25-го.

Однако, в белорусско-польских архивных отношениях 1950–1960-х гг., осуществлявшихся к тому же через посредничество ГАУ СССР, явно преобладало «одностороннее движение». Имеется в виду развернувшаяся с 1955 г. широкомасштабная передача архивных документов и других культурных ценностей странам «народной демократии». Эта акция, как отмечает современный российский историк-архивист, находилась в общем контексте взаимоотношений между СССР и этими странами и была связана с поисками новых форм международного сотрудничества после смерти И. В. Сталина. Передача культурных ценностей, по его мнению, должна была подкрепить курс советского руководства на установление более равноправных отношений с этими странами, продемонстрировать особый характер этих отношений по сравнению с другими государствами².

В 1956 г. Комитет по делам общественной безопасности ПНР обратился в МВД СССР с ходатайством передать ему хранившиеся в СССР материалы, представлявшие для него интерес. Вместе с ходатайством польская сторона предоставила и список 2,7 тыс. дел, хранившихся в белорусских архивах (это были в основном фонды поветовых полицейских и жандармских учреждений Корпуса пограничной стражи за 1919–1939 гг., включая и те, которые находились на территории Беларуси по состоянию на 1950-е гг.). Общесоюзное министерство внутренних дел предложило МВД БССР в двухнедельный срок провести выявление и подготовку к передаче Польше указанных в польском списке материалов³. Справедливости ради отметим, что белорусские архивисты творчески подошли к исполнению этого приказа, о чем свидетельствует направленный в Москву «Перечень документальных материалов фондов учреждений буржуазной Польши, подлежащих оставлению в СССР». В него вошли фонды учреждений, существовавших в границах БССР 1950-х гг., а также дела, содержавшие информацию персонального характера (о секретных сотрудниках, осведомителях и т. п.).

Следующая акция была связана с инициативой внешнеполитического ведомства Польши. 26 сентября 1957 г. Посольство ПНР в СССР обратилось в МИД СССР с Памятной запиской, в которой содержалась просьба провести выявление хранившихся в государственных и партийных архивах СССР документов польского происхождения и передать их польской стороне. В соответствии с ней Комиссия ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и меж-

¹ НАРБ. Ф. 249. Оп. 5. Д. 793. Л. 110–110об.

² См.: Афиани В. Ю. Документы о зарубежной архивной Россике // Проблемы зарубежной архивной России: сб. ст. М., 1997. С. 97.

³ НАРБ. Ф. 249. Оп. 8. Д. 382с. Л. 18–24, 71–73.

дународных партийных связей своим постановлением от 3 марта 1958 г. № 6/12-ГС дало поручение МВД СССР, КГБ при СМ СССР и АН СССР в течение 1958–1960 гг. изучить все хранившиеся в СССР архивные фонды учреждений Речи Посполитой, Царства Польского Российской империи, Австро-Венгерской империи, Второй Речи Посполитой, действовавших на территории края, который ныне (т. е. в 1950-е гг.) входил в состав ПНР и совместно с МИД СССР представить в ЦК КПСС предложения о возможности их передачи Польскому правительству. Постановление обязывало в трехмесячный срок представить в ЦК КПСС предложения о передаче Польскому правительству архивных фондов «буржуазной Польши, хранящихся в государственных архивах Украинской ССР и Белорусской ССР»¹. В принятом затем постановлении Секретариата ЦК КПСС было решено передать ПНР документы с 1921 по 1939 г. объемом около 90 тыс. дел, ГДР – с 1896 по 1945 г. объемом 300 тыс. дел, Чехословацкой Республике – документы до 1939 г. – около 5 тыс. дел².

В конце 1958 г. начальник ГАУ МВД СССР Г. А. Белов утвердил «Рабочую инструкцию по подготовке к передаче польских документальных материалов правительству ПНР»³. В ней говорилось, что основанием для оставления в СССР польских материалов может служить наличие в них документов антисоветского содержания, о белоэмигрантах и националистах, о деятельности польской разведки и полицейских органов против СССР, о работе советских органов и граждан в Польше, а также «документов, передача которых за границу могла бы нанести ущерб Советскому Союзу и интересам дружбы между советским и польским народами, а также документов учреждений, действовавших на территории, не вошедшей в состав ПНР».

5-й пункт инструкции предполагал снятие фотокопий и микрофотокопий с передаваемых Польше документов, «представляющих научно-исторический и практический интерес для Советского Союза».

Интересен 9-й пункт инструкции, цель которого состояла в ликвидации следов пребывания в СССР передаваемых архивных материалов. Он гласил: «Если на обложках дел и листов, подготовленных к передаче документальных материалов, имеются шифры, какие-либо пометы или имеются в делах заверительные надписи, из которых можно установить, что документальные материалы находились в СССР или каким-либо образом использовались, то заверительная надпись вырывается, а с обложек и листов все шифры и пометы уstraняются».

Дабы исключить совершенно «одностороннее движение» архивных материалов в направлении Польши, общесоюзное архивное ведомство предложило руководству архивной службы Беларуси организовать выявление информации о «незаконном захвате и вывозе с территории СССР белополяками в 1920 г. русских архивных материалов»⁴. Собранная в течение полутора месяцев такого рода информация, 19 августа 1959 г. направленная из Минска в Москву, носила довольно скромный и в ряде случаев неопределенный характер. В ней сообщалось, что в июле 1920 г. поляки вывезли весь плановый и документальный архив Минской губернской чертежной, архив управления земледелия и государственных имуществ, архив Аннопольского костела,

¹ НАРБ. Ф. 249. Оп. 8. Д. 402с. Л. 1–3.

² Афиани В. Ю. Указ. соч. С. 96.

³ НАРБ. Ф. 249. Оп. 8. Д. 401с. Л. 50–53.

⁴ НАРБ. Ф. 249. Оп. 8. Д. 408с. Л. 18.

часть фонда князей Радзивиллов, документальные материалы Гражданского управления восточных земель. «Кроме того, – отмечалось в ней, – из многих мест Белоруссии белополяками были вывезены или уничтожены почти все книги записей рождения и метрических выписей»¹.

Основная работа по выявлению архивных материалов для последующей их передачи в Польшу проводилась в гродненских архивах. Она согласовывалась с АН республики и КГБ БССР. Так, 26 апреля 1960 г. А. И. Азаров направил директору Института истории АН БССР И. С. Кравченко информацию о хранившихся в филиале ЦГИА БССР в Гродно 53 фондах (1223 д.) за 1828–1918 гг., предполагаемых к передаче в Польшу. (Это были фонды учреждений бывшего Царства Польского.) Возражений на их передачу со стороны адресата не поступило.

Составляя обзоры фондов польского происхождения, гродненские архивисты, руководствуясь Рабочей инструкцией, отмечали присутствие в них нежелательных для передачи документов. Показательны в этом отношении характеристики фондов Канцелярии правителя Белостокской обл. за 1809–1842 гг. (4,6 тыс. дел), Белостокского областного правления за 1802–1843 гг. (1623 д.). В первой отмечалось наличие в фонде документов об эвакуации архива канцелярии в 1812 г., о сожжении в 1812 г. местной администрацией Белостокского областного архива с тем, чтобы он не попал в руки неприятеля, о разборе радзивилловских долгов, о восстании 1830 г., о художественных ценностях, исторических памятниках, архивных документах, вывозившихся в 1812 г. в центральные губернии России и др.; во второй – аналогичные сведения об эвакуации документальных материалов в 1812 г.²

24 августа 1961 г. было принято решение «Инстанции» о передаче правительству ПНР документальных материалов польского происхождения, отобранных в архивах СССР. Информировав об этом руководителя архивной службы Беларуси, его московский начальник Г. А. Белов просил срочно закончить подготовку отобранных фондов к передаче. При этом он обращал внимание адресата, что «оставляемые в государственных архивах СССР документальные материалы польского происхождения должны находиться на закрытом хранении»³.

В «Заключении о порядке дальнейшего хранения документальных учреждений, существовавших на территории, вошедшей в состав ПНР, имеющих в ЦГИА БССР в Гродно», подписанном директором Института истории АН БССР И. С. Кравченко, заместителем председателя КГБ А. Д. Рудаком и начальником Архивного управления А. И. Азаровым (4 июля 1962 г. оно было направлено в ГАУ СССР) отмечалось, что комплекс документальных материалов учреждений Белостокской обл. составляет 255 фондов (27 886 д.) за 1729–1918 гг. Авторы заключения подчеркивали, что в них находится значительное количество документов, которые по своему содержанию не будут содействовать укреплению дружеских связей с польским народом (указывались документы, свидетельствующие о проведении русификации, о подавлении восстаний и т. п.). Отмечалось также наличие документов о вывозе из Белостока и других польских городов в центр России художественных ценностей, архивов, различного имущества, «дающих возможность обосновать различные претензии

¹ НАРБ. Ф. 249. Оп. 8. Д. 408с. Л. 41.

² НАРБ. Ф. 249. Оп. 8. Д. 424с. Л. 114–121, 243–253.

³ НАРБ. Ф. 249. Оп. 8. Д. 425с. Л. 9–10.

к нашему государству». Акцентировалось внимание на нецелесообразность дробления фондов учреждений Белостокской обл., составляющих в Гродно единый комплекс ЦГИА БССР. И как общий вывод: «значительная часть материалов представляет значительный интерес для советской исторической науки, имеет оперативное значение или относится к документам, оставление которых в госархивах СССР вызывается необходимостью различных политических соображений»¹.

Тем не менее центральное архивное руководство настаивало на передаче Польше большего, чем предполагали белорусские архивисты, количества архивных материалов. Оно считало возможным передать значительную часть фондов Канцелярии правителя Белостокской обл. и Белостокского областного правления. Директор ЦГИА в г. Гродно А. С. Катков стоял на своем: эти фонды не подлежат дроблению и передаче Польше. Его поддерживал и А. И. Азаров.

30 мая 1963 г. польской стороне было сообщено решение «Инстанции» оставить в архивах СССР материалы учреждений бывшей Белостокской обл. и уездов Гродненской губ. Было указано, что по ее желанию с этих материалов могут быть изготовлены микрофотокопии. Сообщая об этом 30 сентября 1963 г. А. И. Азарову, зам. начальника ГАУ СССР Л. Яковлев подчеркивал, что «указанные в Вашем письме документы о карательной и русификаторской политике царского правительства, подавлении восстаний поляков, шпионаже, вывозе из Польши художественных ценностей и различного имущества и другие подобные материалы микрофильмированию не подлежат»².

23 сентября 1963 г. А. С. Катков информировал А. И. Азарова о том, что подлежащие отправке в Польшу 13 ящиков документов подготовлены. Список фондов, передаваемых Польше, включал 3361 д., из них – по ЦГИА в Гродно – 4249 д., по Госархиву Московской обл. – 43 д., по ЦГИА Литвы – 109 д.³

5 ноября 1963 г. в соответствии с решением Советского правительства состоялось подписание акта о передаче правительству Польши документальных материалов польского происхождения, выявленных в архивах СССР. Сообщая об этом руководителю архивной службы Беларуси, заместитель начальника ГАУ СССР К. Кузнецова просила организовать отправку документов в адрес Генеральной дирекции государственных архивов Польши. 4 декабря 1963 г. они ушли в Польшу, о чем 7 декабря этого же года А. С. Катков сообщал в письме на имя А. И. Азарова⁴.

Таким образом, основная передача Польше крупных комплексов архивов польского происхождения, находившихся на территории СССР, включая и Беларусь, была завершена к середине 1960-х гг.⁵ Как указывает современный белорусский исследователь, юридической основой для нее не выступали, как сейчас, международные конвенции и рекомендации. Это было сделано, по его мнению, для того чтобы не создать прецедента для требования репатриации архивных собраний со стороны и других стран⁶.

¹НАРБ. Ф. 249. Оп. 8. Д. 424с. Л. 209.

²НАРБ. Ф. 249. Оп. 8. Д. 429с. Л. 39.

³НАРБ. Ф. 249. Оп. 8. Л. 44–53.

⁴НАРБ. Ф. 249. Оп. 8. Л. 64–66.

⁵Подробнее об этом см.: Гярновіч Т. Дз. Рэстытуцыя польскіх архіўных каштоўнасцей з БССР у 1920–1960–я гг. // Беларускі археаграфічны штогоднік. Мінск, 2006. Вып. 7. С. 21–35.

⁶См.: Гярновіч Т. Дз. Рэстытуцыя польскіх архіўных каштоўнасцей з БССР у 1920–1960–я гг. С. 31.

Позднее возникали вопросы о передаче из СССР в Польшу небольших групп документов и дел. Вновь к этой проблеме возвратились в конце 1970-х гг. и особенно в связи с начавшейся в СССР так называемой перестройкой и изменением политического строя в бывших социалистических странах. После 12 сентября 1989 г., когда была создана Третья Речь Посполитая, игры в «социалистическое содружество» по существу были прекращены. В 1990 г. МИД Польши поставил вопрос о возвращении ценностей польской культуры после «захвата» Советским Союзом западных областей Украины и Беларуси (кроме того, были предъявлены требования по возмещению материального ущерба польским гражданам, пострадавшим от репрессий). Политбюро ЦК КПСС в постановлении «О наших шагах в связи с польскими требованиями к Советскому Союзу» от 4 июня 1990 г. выдвинуло контрпретензии к польской стороне о возврате культурных ценностей украинского, белорусского и русского народов, вывезенных в Польшу из западных областей Украины и Беларуси¹.

Работавший в то время в Институте историко-политических исследований при ЦК КПБ автор настоящей статьи вспоминает об участии в работе по выявлению в фондах Центрального партийного архива Беларуси, ЦГАОР республики и других архивов документов и материалов, подтверждавших ущерб, нанесенный польскими оккупантами экономике и культуре Беларуси в 1919–1920 гг.² Архивы, как это уже не раз бывало, в очередной раз становились заложниками политики.

С распадом СССР и созданием суверенных государств начинается новый этап в архивных отношениях между ними, в том числе и по линии выявления и совместного использования общего архивного наследия. Этому в немалой степени способствует и принятый в 1996 г. на Международном конгрессе архивов Международный этический кодекс архивистов, который вводит такое понятие как «мировое документальное наследие» и обязывает архивистов всего мира нести ответственность за его сохранение, приумножение и обеспечение одинаковых условий для доступа до него.

¹ Афиани В. Ю. Указ. соч. С. 97–98.

² Об этом см. наши совместные с доктором исторических наук Р. П. Платоновым публикации документов в газете «Звязда» (15, 16 сак. 1991 г.).